

инициаторов конфликта.

Начало боевых действий ожидалось 1 октября 1912 г. В складывавшейся ситуации для военных аналитиков в русской военной разведке, а также руководства Генерального Штаба была важна характеристика положения в самой Турции. Аналитическая оценка преимуществ и недостатков в сфере оборонной готовности Турции учитывала прежде всего «болгарский фактор», а не коалиционное взаимодействие государств Балканского союза. Усиление военных контингентов на отдельных участках пограничных с Болгарией районов Османской Империи рассматривалось как «оказывающее успокаивающее влияние на умы болгарского Королевства».

Явный диссонанс между сведениями и выводами, полученными от военных агентов в Черногории, Болгарии, Румынии и Греции, с одной стороны, и Османской Империи, с другой, затруднял формирование целостного представления о перспективах развития ситуации на Балканском полуострове в ближайшем будущем. Успокаивающие заключения из Константинополя находились в прямом противоречии с данными, переданными представителями русской военной разведки из малых государств полуострова. Так, полковник Романовский доносил из столицы Болгарии в штаб-квартиру о существовании единственного шанса предотвратить войну путём дарования «автономии Македонии с гарантией держав». Однако и он пришел к выводу о возможности начала войны в самом ближайшем будущем, так как ограничивал сроки переговоров по Македонскому вопросу одной неделей, а в противном случае «ручался головой», что Болгария ни при каких условиях не остановится, для неё теперь отступления нет, выступление Австрии против Сербии болгар не остановит. Оставалось неясным кто из участников антиосманской коалиции выступит в роли инициатора боевых действий – Болгария (на таком предположении настаивали военные агенты в Турции, Румынии и их коллега в Софии) или Черногория с Сербией (эту точку зрения отстаивал военный агент в Цетинье).

5(18) октября 1912 г. Болгария, Сербия и Греция объявили Турции войну. Черногория выступила девятью днями раньше. Так как борьба с Турцией была для Болгарии и всех балканских стран освободительной, то патриотический дух всех народов Балканского полуострова привлек к разгрому основных сил османской армии уже через четыре недели. Быстрые победы балканских союзников потрясли весь мир.

21 ноября (3 декабря) 1912 г. было подписано перемирие. В середине декабря 1912 г. в Лондоне открылась конференция делегаций воюющих стран с целью заключения мира. Балканские союзники требовали, чтобы Порты уступила им все свои балканские владения; они добивались также отказа султана от всех островов в Эгейском море. Однако между балканскими союзниками возникли серьёзные противоречия по поводу раздела территорий. И только под давлением великих держав 17 (30) мая 1913 г. был подписан Лондонский мирный договор. Согласно статьям этого договора, Турция передала победителям все свои балканские владения западнее линии Энез-Мидье; признала независимость Албании; а вопрос о судьбе островов в Эгейском море передавался на рассмотрение великих держав.

Победа Болгарии и её союзников над султанской Портой, с одной стороны, принесла освобождение народам Македонии, Албании и другим областям Балканского полуострова, с другой – так и не принесла мира и спокойствия на Балканы.

Источники и литература

1. Улунян А. А. Информационно-аналитическая работа русских военных агентов в странах балканского полуострова: кто первым и когда начнёт войну? (1911-1912 гг.) // Московский Исторический Журнал. - № 1, январь – февраль 1999.
2. Сборник Главного Управления Генерального Штаба. – № 25 (июнь). – 1911.
3. Российский Государственный Военно-исторический Архив (РГВИА). – Ф. 2000. – Оп. 1. – Д. 3067. – Л. 4. Романовский – в Генштаб, София, 8 июня 1911 г.
4. Там же. – Д. 7382. – Л. 13. Выдержки из рапорта военного агента в Австро-Венгрии от 13 сентября 1911 г. № 345.
5. Международные отношения. 1870 – 1918 гг.: Сборник документов / Под ред. В.М. Хвостова. – М.: Военно-политическая академия имени В.И. Ленина, 1940. – Т. II.
6. Имелось в виду проникновение Австро-Венгрии в Албанию и стремление Вены превратить эту османскую провинцию, в которой, начиная с 1910 г., усиливалась национально-освободительная борьба против Порты, в форпост Дунайской монархии на Адриатике.
7. РГВИА. – Ф. 2000. – Оп. 1. – Д. 3002. – Л. 23.
8. Там же. – Д. 7392. – Л. 13. Романовский в Генштаб, София, 4 апреля 1912г.
9. Там же. – Д. 3843. – Л. 54. Копия рапорта военного агента в Турции от 9 сентября 1912 г. за № 198 в Отдел Генерал-квартирмейстера Главного Управления Генерального Штаба.

Хаяли Р. И.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КРЫМОБЛТАТБЮРО В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 20-Х ГОДОВ XX СТОЛЕТИЯ

Актуальность проблемы. Опыт этнической политики государства в процессе национально-государственного строительства в разные исторические периоды всегда представлял научный и практический интерес. Особое внимание заслуживает национальная политика советского государства в 20-е годы XX столетия в Крымской АССР.

Цель статьи – проследить эволюцию советской государственной политики на примере работы Крымобллатбюро. Научная новизна. В качестве предмета исследования выступает деятельность Крымобллатбюро. Источниками послужили архивные документы, опубликованные документы, публикации исследователей.

С первых лет установления советской власти в Крыму предпринимались меры по коренизации советских и партийных аппаратов. Изначально необходимо отметить, что коренизация в Крыму затрагивала интересы не только коренного народа, а носила широкий характер и проводилась в отношении немцев, греков, армян, болгар, других этнических групп. С целью удовлетворения образовательных и культурных потребностей меньшинств были созданы и действовали национальные секции.

В начале 1920-х годов при обкоме партии создается специальный подотдел по работе с крымскотатарским населением – «Мусульманская секция», в последующем «Татарская секция», которой было предоставлено право политического и общественного контроля в решении экономических и социальных потребностей крымскотатарского населения. Эта секция, свою очередь, находилась под контролем партийных и советских органов. В первое время «Мусульманское бюро», а затем и «Татсекция» занимались подготовкой к изданию учебной, политической и художественной литературы на крымскотатарском языке, работой среди учителей, женщин, организацией политкурсов. Уже само название «Мусульманская секция» подчеркивало то обстоятельство, что советская власть была готова учитывать интересы части населения Крыма по конфессиональному признаку, а с другой стороны показывало лояльность советской власти к крымским татарам.

Эта структура во многом должна была нейтрализовать вполне закономерные притязания крымскотатарской политической элиты и лидеров партии «Милли фирка». Одновременно деятельность «Мусульманской секции», а затем и Крымобллатбюро позволила советской власти привлечь к сотрудничеству часть старой интеллигенции и молодое поколение леворадикальных сил национального движения. Эта практика со стороны партийных органов подкреплялась мощной социальной демагогией о справедливости, равенстве, решении наиболее важных насущных проблем коренного населения, а именно развития системы образования на родном языке, выдвижения части политической элиты в государственные и партийные органы, поддержки системы культурных учреждений. За всеми этими мероприятиями стояла вполне прагматическая дальновидная цель советского режима – советизация системы народного образования, культуры и общественного сознания крымских татар.

В 1921 г. филиалы «Мусульманской секции» имелись во всех крупных городах Крыма. Только в Симферополе для работы было привлечено около 20 работников, в Бахчисарае – 12, Феодосии – 8-10, Севастополе – 10-12 и Евпатории – 16. [1] Представители «Мусульманской секции» имели большое влияние на сельское население из числа крымских татар. 8 января 1921 г. решением совещания представителей секций при Агитпропе ОК «Мусульманское бюро» было переименовано в Крымобллатбюро на правах отдела при обкоме партии [2].

Одним из первых решений Крымобллатбюро, [3] затронувшими интересы населения, исповедующего ислам, было признание 11 февраля 1921 г. днями отдыха религиозных праздников. Два дня отводилось на празднование Ораза-байрама, два дня на Курбан-байрама, один день для празднования мусульманского Нового года и один день на празднование дня рождения Пророка Мухаммеда [4].

С целью получения доверия крымскотатарского населения партийные органы принимают решительные меры по привлечению их в советские органы власти и органы местного самоуправления. Протоколом №49 заседания Крымобллатбюро совместно с ответственными работниками 23 марта 1921 г. было принято решение «принять самые срочные меры для привлечения местных татар в аппараты советской власти, путем введения системы делегатов татар в советские органы...» [5]. Выступивший И. Фирдевс, [6] среди прочего, предложил созвать губернскую беспартийную конференцию татар, прекратить бессистемные массовые аресты, решить вопросы в аграрном секторе, изменить продовольственную политику на Южном берегу Крыма, принять самые срочные меры для привлечения крымских татар в органы советской власти, путем введения системы делегатов [7].

В апреле 1921 г. на третьем съезде Крымской областной партконференции были созданы татарские секции при Крымском обкоме партии. С этого времени возобновилось издание газеты «Ени донья».

Нужно отметить, что беспокойство отдельных работников имело под собой серьезные основания. Как явствует из доклада одного из крымских чиновников 12 мая 1921 г., «татарское население сторонится Советской власти и не видит в ней своих защитников. Сплошной стон, глубокая злоба, недоверие и ненависть со стороны всего крестьянского населения Крыма по адресу Советской власти – вот та атмосфера настроений масс... Вся крымская власть – назначенцы, ничего общего не имеющие с местным населением... Слишком широкое применение красного террора: картина, перед которой бледнеют ужасы царизма и белогвардейщины. Сотни заложников, батраков и беднейших крестьян заставляют работать в совхозах... Совхозы, являющиеся государственными органами, имеют больше прав для притеснения местного населения, чем бывшие частные владельцы. Крестьяне видят в Советской власти еще большего эксплуататора, чем царизм» [8].

По мнению самих же советских работников, как правило, пришедших и весьма далеких от местной этнической специфики, но обладающих культуртрегерскими взглядами и подходами, «татарская масса не общественна, мало пропитана революционным духом, насквозь пропитана религиозным фанатизмом, суеверием и предрассудками...» [9]. В связи с этим, по их мнению «среди татарского населения должна вестись самая интенсивная и энергичная работа для поднятия культурного и политического уровня и самое главное для пробуждения у него классового самосознания» [10]. В одном из решений отмечалось, что «о необходимости татаризации говорить не приходится, ибо такая вытекает из объявления Крыма автоном-

ной Республикой, признание татар коренным населением Крыма, а их языка государственным» [11]. По плану «в первую очередь должен быть татаризирован советский аппарат в тех районах, где татарское население составляет большинство...» [12].

Уже в следующем месяце были приняты решения по коренизации органов исполнительной власти, которые были наиболее тесно связаны с интересами крымских татар. В протоколе №50 заседания Крымоблтатбюро от 14 апреля 1921 г. выдвигались цели «поставить во главу угла работу среди татар и по возможности татаризировать аппараты Наробраз, Земотдела, Здравотдела, отдела управления и Президиумы руководящих органов» [13]. С этой целью в системе народного образования был создан татарский подотдел, [14] руководимый ученым Б. Чобан-заде, в полномочия которого входили восстановление системы народного просвещения, привлечение педагогических кадров и материально-техническое обеспечение школ и учебных заведений [15].

Члены Крымоблтатбюро составной частью коренизации считали возвращение крымских татар, покинувших родину при царизме. С этой целью было принято решение об их реэмиграции в Крым, что нашло отражение в протоколе заседания 23 октября 1921 г., где отмечалось «принципиально признать крайне важным и необходимым выпустить воззвание от имени 1-го Учредительного съезда Советов Крымской Республики к выселенным из Крыма эмигрантам татарам, с предложением возвратиться в Крым» [16]. Для этого необходимо было получить разрешение со стороны партийных и советских органов власти Крымской АССР и СССР. Особое внимание уделялось реализации права крымскотатарского языка как государственного на территории Крымской АССР. С этой целью Крымоблтатбюро 3 декабря 1921 г. на своем заседании при ОК РКП/б принимает решение «О реализации татарского языка как государственного, которое с практической точки зрения должно было преследовать цель выявления грамотности крымскотатарского населения на родном языке в государственном быту». Для этого при КрымЦИК и СНК Крымской АССР было создано переводческое бюро [17]. На этом совещании были подведены и первые итоги проделанной работы. В частности был заслушан вопрос о «татаризации аппаратов советской власти», по которому была принята постановляющая часть, где говорилось: «просить ОК предложить Совнаркому ввести в штаты Наркоматов и их отделов на местах на должности практиков татар, установив для них жалованье в размере прожиточного минимума» в порядке государственного распределения. Этой работой в первую очередь предполагалось охватить Наркомат земледелия, Крымсовхоз, Рабкрин, Крымсоюз и сельскохозяйственный кооператив.

Наиболее важным решением был вопрос «О реализации татарского языка как государственного», по которому было принято решение о том, что реализация этой программы «должна преследовать цель – все письменные акты государственной жизни должны быть на двух языках, на татарском и русском». В органах государственной власти предполагалось ввести должности переводчиков, а также отменить существующие ограничения в отношении татарского языка в Наркомате связи, а именно прием телеграмм и телефонограмм [18]. Протокол заседания Крымоблтатбюро от 3 декабря 1921 г. предлагал татаризацию провести в первую очередь в культурно-просветительских учреждениях [19]. Практическая реализация крымскотатарского языка как государственного должна была найти выражение в учреждениях, затрагивающих культурно-бытовые условия, а именно, ЗАГС, народный суд и экономический аппарат Крымсоюза [20].

Наиболее трудновыполнимой задачей для новой власти было широкое вовлечение крымских татар в партийные ряды. В марте 1921 г. в Крымской партийной организации на учете состояло 1725 членов партии и 1146 кандидатов в члены партии [21]. Количество же крымских татар в партийной организации было минимальным. Например, в мае 1921 г. в Севастопольской уездной парторганизации из 1409 коммунистов крымских татар было 41, на учете Керченского укома РКП (б) в ноябре 1921 г. состояло 713 человек, из них крымских татар 11. [22] Среди 227 делегатов 2-й Симферопольской уездной конференции РКП (б), проходившей в мае 1921 г. приняло участие только 11 крымских татар. Мало было крымских татар и в комсомольской организации. В 1921 г. в Крыму действовали 19 комсомольских ячеек крымских татар, в которых насчитывалось 360 членов [23]. Для укрепления влияния и повышения своего авторитета в июле 1921 г. Крымоблтатбюро провело первую крымскую татарскую партконференцию, на которой присутствовало 230 человек [24]. В 1921 г. Крымский обком партии рассмотрел кандидатуры 105 крымских татар для работы в партийных и советских органах. Помимо этого по решению Крымского обкома партии 25 крымских татар были направлены в областные учреждения в качестве членов коллегий или заместителей заведующих [25]. В середине 1920-х годов из 16 тысяч коммунистов Крыма, крымские татары составляли 2,2 тысячи, или 13,7% [26].

Важным аспектом национальной политики в регионе было участие крымских татар в деятельности профсоюзов. Здесь нужно отметить, что в 1920-е годы все крымскотатарские профсоюзные организации были распущены и объединены в общекрымские [27]. Из 402 делегатов 1-го съезда профсоюзов Крыма, проходившего в марте 1921 г. представляющих 119865 человек 23 отраслевых профсоюзов крымских татар было всего 9 [28].

В первой половине 1920-х годов в Крыму часть государственных деятелей выработала теоретические основы практические меры проведения политики коренизации. В тезисах по работе среди коренного населения 27 февраля 1922 г. И. Фирдевс подчеркивал: «Политика партии и советской власти в отношении татарской национальной интеллигенции должна заключаться в технической и моральной советизации ее путем вовлечения в советское строительство и политической изоляции ее». Последнюю цель, возможно достигнуть только путем уделения особого внимания (протекционистской политики) в татарских секциях как организациях...» и далее отмечал: «органическая работа должна вестись главным образом среди молоде-

жи совершенно политически не тронутой и поэтому крайне отзывчивой и экспансивной на агитацию и пропаганду». Молодежь И. Фирдевс рекомендовал интенсивно вовлекать на различные курсы, общества, кружки организации и т. д. В отношении рабочих крымских татар И. Фирдевс рекомендовал, чтобы партийная и советская работа была нацелена на формирование пролетарских и полупролетарских элементов. Главное внимание предполагалось уделить крестьянству на ЮБК как квалифицированной рабочей силе, имеющей многовековой опыт в сельском хозяйстве для организации совхозов. Северная часть Крыма и крымские татары севера в советской политике должны были стать опорой в организации совхозов и противостоянии кулакам, сельской буржуазии. Крымскотатарское беднейшее крестьянство должно было стать проводником советской политики. Крымскотатарскую молодежь, с целью быстрого ознакомления и усвоения основ советской политики, предполагалось максимально вовлечь в обучение на курсах, школах. Советская работа должна быть направлена и на создание кадров советских работников всех уровней проведение политики татаризации в аппаратах и реализации татарского языка как государственного [29].

В докладе татарской секции Крымского обкома ВКП/б за период с 3 ноября 1921 г. по 20 февраля 1922 г. подчеркивалось, о необходимости составлении декрета КрымЦИКа о татаризации советских аппаратов и применении татарского языка в государственных учреждениях. Основная деятельность секции была направлена на работу среди молодежи, на борьбу с голодом, другие организационные вопросы. Планы политики коренизации наиболее ярко прослеживаются в тезисах доклада обкома партии о работе партийных организаций среди национальных меньшинств на первом Всекрымском совещании представителей национальных меньшинств 26 марта 1926 г. В данном документе отмечается, что целью советской власти является коренизация советского аппарата, проведение земельной реформы, расселение в Крыму евреев, греков, армян, вовлечение коренного населения и национальных меньшинств в промышленности кустарное производство, расширение культурных учреждений.

В соответствии с постановлением Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров Крыма за подписями Председателя КрымЦИКа Гавена, Председателя СНК Сеид Галиева и Управляющего делами СНК Мазыкина «О татаризации государственных аппаратов и о применении татарского языка в учреждениях республики» от 10 февраля 1922 г. предполагалось более широкое вовлечение трудящихся масс в советское строительство, создание при КрымЦИКе постоянной комиссии по татаризации советского аппарата в составе Председателя КрымЦИКа Гавена, Фирдевса, Меметова, Чобан-заде и других. Данная комиссия отвечала за разработку мероприятий, связанных с политикой коренизации, для перевода на крымскотатарский язык документов центральных и местных органов власти была учреждена центральная коллегия переводчиков. Все принимаемые нормативно-правовые акты в обязательном порядке должны были переводиться на крымскотатарский язык.

По мере развития политики коренизации расширялась и сфера ее влияния. На совещание секретарей татарских секций при окружках РКП 12 сентября 1922 г. отмечалось, что мероприятия в отношении крымских татар должны быть нацелены на развитие среди них кооперации, агитации и пропаганды, а также организацию клубов, изб читален, использование сильного движения среди них к просвещению и вовлечение в советское строительство. Дополнительно предполагалась организация издательского дела, печати [30].

Выступая с докладом о национальной политике в Крыму на Крымском Совещании ответственных татарских работников Симферополя и округов совместно с секретарями татсекции 28 – 29 июля 1923 г. Саид-Галиев определил план работы на ближайшую перспективу, а именно подбор кадров в сельские советы, выдвижение крымскотатарских работников и крымских татарок в партийные и советские органы. Введение в делопроизводство крымскотатарского языка в районах с преобладанием коренного населения, организация курсов агрономов, бухгалтеров по подготовке специалистов, кооперация. Введение крымскотатарского языка как обязательного предмета в школах 2 ступени и профтехнических школах. Возвращение в Крым крымскотатарского населения, эмигрировавшего в прошлом из Крыма. Изучение крымскотатарского языка русскими работниками [31]. Пленум ОК ВКП/б в целом поддержал решение совещания, за исключением тезиса о переселении крымских татар из-за рубежа [32].

В соответствии с протоколом совещания ответственных крымскотатарских работников 28 – 29 июля 1923 г. также было принято постановление о доведении до конца начавшейся татаризации первичных советских аппаратов, сельсоветов, райисполкомов, в районах с преобладанием коренного населения. Во всех крупных учреждениях работающих с крымскотатарским населением необходимо было иметь работника, или по крайней мере по одному переводчику. Считать необходимым знание местного языка русскими работниками, ведущими работу в районах с преобладанием крымскотатарского населения, а также введение делопроизводства на крымскотатарском языке в местах компактного проживания крымских татар [33]. В это время в партийных документах отмечалось, что работа среди сельского населения, особенно среди крымских татар поставлена плохо [34].

В проведении политики коренизации особое внимание уделялось работе партийных органов. В решениях партийных конференций 1920-х гг. особо подчеркивалось о проведении политики татаризации. Так в протоколе стенограммы X-й Крымской областной партийной конференции, прошедшей в декабре 1924 г., говорилось о необходимости «всемерно развивать и углублять» эту политику [35]. При этом внимание уделялось в первую очередь работе с крымскотатарской молодежью с целью её максимального охвата комсомолом для «постановки среди них дела коммунистического воспитания» [36].

Вообще нужно отметить, что в 1924 г. взгляды на политику коренизации партийными и советскими работниками в зависимости от их национальности виделись по-разному. В этом смысле можно обратиться к всекрымскому совещанию крымскотатарских работников-коммунистов и к протоколам заседания Крымоб-

лтатбюро. Если одни, например, представитель из Ялты Измайлов, рекомендовали начинать политику коренизации с сельских советов и проведение «решительной чистки» в органах милиции и назначения в крымскотатарских деревнях милиционеров из крымских татар [37]. Или, как отмечалось на одном из заседаний Татсекции, «на территории Крыма считать одним из признаков квалификации знание татарского языка» [38]. Другие, как например председательствующий Носов, считали, что крымскотатарская прослойка сама по себе мала и по «культурному уровню гораздо ниже окружающих» и, следовательно, исходя из того, что в республике больше русских и украинцев, чем крымских татар, коренизацией не увлечься, так как можно вызвать недовольство других национальностей [39].

В принятой резолюции совещания рекомендовалось усилить работу по татаризации Наркомата юстиции и судебной системы, а также организацию курсов и привлечения молодежи в профсоюзы и другие организации. Политика коренизации должна была осуществляться через подготовку специалистов в советских партийных школах, профсоюзах и политических курсах. Важным моментом было признание необходимости реэмиграции крымских татар из Болгарии и Румынии [40].

Практические предложения Всекрымского совещания крымских татар коммунистов по работе среди населения в Крымской АССР сводились к проведению набора в партию в 1924 г., немедленного перевода всех кандидатов РКП/б крымских татар вне очереди в члены партии, облегчение приема в партию для сельских учителей с низким образованием, приравняв их к крестьянам, проверка и распределение татарских работников во всех отраслях, привлечение молодежи в РКСМ, в советский и партийный аппарат, развитие издательского делопроизводства, поддержка кустарной промышленности и кооперации. Немаловажным было решение, в соответствии с которым «на территории Крыма считать одним из признаков квалификации знание татарского языка» [41].

При непосредственной деятельности Крымоблтатбюро удалось вовлечь крымских татар в ряды партии и комсомола, частично осуществить перевод делопроизводства на родной язык в районах проживания крымских татар, сделать первые шаги в сфере развития образования и культуры. Для советской власти одним из главных завоеваний было постепенное вовлечение крымских татар в национально-государственное строительство в Крымской АССР на советских началах. Во второй половине 1920-х годов, с созданием советских органов власти в предгорной и южнобережной зоне Крыма, политика коренизации более интенсивно стала проводиться через партийные и советские органы Крымской АССР. Деятельность Крымоблтатбюро была прекращена, тогда как другие отделы по работе с национальными меньшинствами действовали.

Источники и литература

1. ГААРК. Ф. П. 1, Оп. 1, Д. 102, Л. 4.
2. ГААРК. Ф. П. 1, Оп. 1, Д. 102, Л. 4 об; Очерки по истории Крыма. – Ч. 3, Крым в период социалистического строительства (1921 – 1941 гг.). – Под общ. Ред. И. С. Чирвы – Симферополь, Крым, 1964. – 222 с. С. 39.
3. В состав Мусульманского бюро, «Татсекции», в затем и Крымоблтатбюро в разные годы входили видные общественно-политические деятели, педагоги, писатели из крымских татар. Среди них Дерен-Аерлы, Фирдевс, Ибраимов, Ногаев, Меметов, Недим, Бекиров, Мусаниф, Шерфединова, Саид-Галиев, Даутов, Куркчи, Кильдишев и другие.
4. ГААРК. Ф. П. 1, Оп. 1, Д. 102, Л. 10.
5. ГААРК. Ф. П. 1, Оп. 1, Д. 102, Л. 20.
6. Фирдевс (Керимджанов) Исмаил Керимович (1888, Симферополь – 27.10.1937, Соловки) – педагог, государственный и общественный деятель. Закончил с отличием СТУШ в 1906 г. Учительствовал. В советских правительствах 1918–1919 гг. занимал должности наркома по делам национальностей, по иностранным делам, зам. Председателя ЧК, секретаря ЦИК. С установлением советской власти в Крыму председатель комитета по народному образованию, позже – нарком юстиции (1922–1923). Участник антисталинской группировки М. Х. Султан-Галиева. Репрессирован.
7. ГААРК. Ф. П. 1, Оп. 1, Д. 102, Л. 20.
8. Чебанова А.В. Политическая обстановка в Крыму в 1920-е годы// Культура народов Причерноморья.– 1998. – № 3. – С. 268.
9. “Работа среди татар” // Красный Крым, 1921, 9 февраля; Брошеван В. М., Форманчук А. А. Крымская республика: год 1921-й (краткий исторический очерк). – Симферополь: “Таврия”, 1992. – С. 103.
10. “Работа среди татар” // Красный Крым. – 1921. – 9 февраля; Брошеван В. М., Форманчук А. А. Крымская республика: год 1921-й (краткий исторический очерк). – Симферополь: “Таврия”, 1992. – С. 102.
11. “После конференции. Татаризация советского аппарата// Красный Крым.– 1921– 4 августа”; Брошеван В. М., Форманчук А. А. Крымская республика: год 1921-й (краткий исторический очерк). – Симферополь: “Таврия”, 1992. – С. 110–111.
12. “После конференции. Татаризация советского аппарата// Красный Крым, 1921, 4 августа”; Брошеван В. М., Форманчук А. А. Крымская республика: год 1921-й (краткий исторический очерк). – Симферополь: “Таврия”, 1992. – С. 111.
13. ГААРК. Ф. П. 1, Оп. 1, Д. 102, Л. 32.
14. Очерки по истории Крыма. – Ч. 3, Крым в период социалистического строительства (1921–1941 гг.). – Под общ. Ред. И. С. Чирвы – Симферополь, Крым, 1964. – 222 с. С. 39.

15. ГААРК. Ф. П. 1, Оп. 1, Д. 102, Л. 32.
16. ГААРК. Ф. П. 1, Оп. 1, Д. 102, Л. 41.
17. ГААРК. Ф. П. 1, Оп. 1, Д. 102, Л. 48.
18. ГААРК. Ф. П. 1, Оп. 1, Д. 102, Л. 49.
19. ГААРК. Ф. П. 1, Оп. 1, Д. 102, Л. 48 об.
20. ГААРК. Ф. П. 1, Оп. 1, Д. 102, Л. 49.
21. Семин А. С., Горчаков А. А. Борьба большевистских организаций за упрочение советской власти в Крыму (ноябрь 1920 – декабрь 1921 гг.). В кн: Борьба большевиков за власть Советов в Крыму. – Симферополь: Крымиздат, 1957. – С. 262 – 295. (С. 267).
22. Брошеван В. М., Форманчук А. А. Крымская республика: год 1921-й (краткий исторический очерк). – Симферополь: “Таврия”, 1992. – С. 36 – 37.
23. Зинченко Ю. І. Кримські татари: історичний нарис. – К.: Голов. спеціаліз. ред. літ мовами нац. меншин України, 1998. – 205 с. – Бібліогр.: С. 77.
24. Зинченко Ю. І. Кримські татари: історичний нарис. – К.: Голов. спеціаліз. ред. літ мовами нац. меншин України, 1998. – 205 с. – Бібліогр.: С. 76.
25. Брошеван В. М., Форманчук А. А. Крымская республика: год 1921-й (краткий исторический очерк). – Симферополь: “Таврия”, 1992. – С. 51 – 52.
26. Урсу Д. П. Очерки истории культуры крымскотатарского народа (1921–1941 гг.). – Симферополь: Крымское учебно-педагогическое государственное издательство, 1999. – С. 122.
27. ГААРК. Ф. П. 1, Оп. 1, Д. 102, Л. 72.
28. Брошеван В. М., Форманчук А. А. Крымская республика: год 1921-й (краткий исторический очерк). – Симферополь: “Таврия”, 1992. – С. 51.
29. ГААРК. Ф. П. 1, Оп. 1, Д. 194. Лл. 4 – 9.
30. ГААРК. Ф. П. 1, Оп. 1, Д. 194, Л. 39.
31. ГААРК. Ф. П. 1, Оп. 1, Д. 287, Лл. 25.
32. ГААРК. Ф. П. 1, Оп. 1, Д. 287, Л. 27.
33. ГААРК. Ф. П. 1, Оп. 1, Д. 287, Л. 25.
34. ГААРК. Ф. П. 1, Оп. 1, Д. 258, Л. 8.
35. ГААРК. Ф. П. 1, Оп. 1, Д. 314, Л. 1 об.
36. ГААРК. Ф. П. 1, Оп. 1, Д. 310, Л. 2 об.
37. ГААРК. Ф. П. 1, Оп. 1, Д. 358, Лл. 28 об.
38. ГААРК. Ф. П. 1, Оп. 1, Д. 358, Л. 56 об.
39. ГААРК. Ф. П. 1, Оп. 1, Д. 358, Лл. 42.
40. ГААРК. Ф. П. 1, Оп. 1, Д. 358, Лл. 44, 44 об, 47.
41. ГААРК. Ф. П. 1, Оп. 1, Д. 358, Лл. 56 – 56 об.

Щербина І.В.

ПОСИЛЕННЯ НЕЛЕГАЛЬНОЇ ПІДПРИЄМНИЦЬКОЇ ДІЯЛЬНОСТІ НЕПМАНІВ ТА БОРОТЬБА З НЕЮ В РОКИ ЗЛАМУ НЕПУ (кінець 1920-х – початок 1930-х рр.)

Актуальність дослідження полягає у недостатній кількості наукових праць, присвячених нелегальній діяльності приватних підприємців, як реакції на посилення адміністративного тиску радянських органів [1]. **Мета статті** – проаналізувати форми нелегальної діяльності нової буржуазії в сфері торгівлі і дрібної промисловості та методи боротьби з цим явищем з боку радянської держави в роки зламу НЕПу, тобто наприкінці 1920-х – на початку 1930-х років. **Головне завдання дослідження** пов’язане з ретельним аналізом архівних матеріалів щодо порушеної проблеми, постанов та розпоряджень урядів СРСР і УСРР, статей радянського законодавства та інших джерел.

У період непу представникам непманської буржуазії належали певні позиції в різних галузях народного господарства України. В обстановці невизначеності і „ненадійності” умов свого існування представники нової буржуазії вважали за краще не вкладати свої накопичення у сферу виробництва, а спрямовували капітали, в основному, в торгівлю, де була більш висока оборотність коштів і звідки (у разі загрози конфіскації) було порівняно легко вилучити капітал. Внаслідок цього в середині 20-х років в Україні із загальної суми коштів приватного капіталу в 104,2 млн. крб., що було вкладено в різні галузі і сфери економіки, у торгівлю було спрямовано 86,9 млн. крб., у промисловість – 15 млн. крб., у кредитну систему – 2,3 млн. крб. [2].

Припиняючи функціонування свого підприємства в одній галузі народного господарства, непмани здебільшого намагались продовжити застосовувати капітали, що вивільнилися, на іншій ділянці економіки. Оскільки проблема використання непманами їх тимчасово вільних капіталів надто непокоїла радянсько-партійне керівництво, то напрямки зникнення (або втечі) приватного капіталу з легальної сфери економіки та його подальшого функціонування знаходилися під постійним контролем з боку фінансових, „компетентних”, планово-господарчих і статистичних органів. Шляхи використання непманами вилучених після закриття підприємств коштів систематично і ретельно вивчалися та аналізувалися експертами названих відомств.

Проведене у 1929 р. окружними плановими комісіями, окрфінвідділами, окрвноторгами та органами